

УДК 33:32

DOI 10.36511/2588-0071-2021-1-22-32

Гарник Сергей Валентинович

доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры теории и методологии государственного управления

Академия управления МВД России (125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8)

Sergey V. Garnik

doctor of sciences (economy), professor, professor of the department of theory and methodology of public administration

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia (8 Zoi Aleksandra Kosmodemyanskih, Moscow, Russian Federation, 125993)

E-mail: garnik-sergei@mail.ru

Власов Борис Евгеньевич

кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры теории и методологии государственного управления

Академия управления МВД России (125993, Москва, ул. Зои и Александра Космодемьянских, 8)

Boris Ye. Vlasov

candidate of sciences (law), associate professor, head of the department of theory and methodology of public administration

Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia (8 Zoi Aleksandra Kosmodemyanskih, Moscow, Russian Federation, 125993)

E-mail: b.e.vlasov@mail.ru

**Социально-экономические аспекты противодействия
агрессивной информационной политике против России
в условиях новых вызовов и угроз**

**Socio-economical aspects of countering aggressive
information policy against Russia in the conditions
of new challenges and threats**

В статье рассматриваются социально-экономические, политические и иные аспекты информационной агрессии, осуществляемой против Российской Федерации в современных условиях. Описываются наметившиеся тенденции в процессах, связанных с влиянием социально-экономических последствий пандемии COVID-19 на ситуацию в странах НАТО и России. Обосновываются меры по противостоянию внешней информационной агрессии с учетом новых вызовов и угроз. Предлагаются пути возможного использования цифровых технологий

© Гарник С.В., Власов Б.Е., 2021

в отражении агрессивных проявлений воздействия на общественное сознание. При этом раскрывается современный потенциал Российской Федерации в деле патриотического воспитания, формировании позитивных ценностных ориентаций в различных формах, учитываются новые реалии, связанные с карантинными явлениями при переживании особых условий жизни обществом.

Ключевые слова: политическая система, пандемия, новые вызовы и угрозы, информационные войны, информационная агрессия, патриотическое воспитание, информационная безопасность.

In the article socio-economical, political and other issues of information aggression against the Russian Federation during the pandemic are considered. Likely trends dealing with the socio-economic consequences of COVID-19 outbreak and its influence on the situation in NATO and Russia are described. Measures on the resistance to the external information aggression with due regard to new challenges and threats are justified. New ways of likely usage of digital technologies in patriotic education, formation of positive personality under the circumstances of information aggression.

Keywords: political system, pandemic, information war/cyberattacks, patriotic education, information security/cyber security.

Процессы, развивающиеся в глобальном масштабе на фоне пандемии, в 2020 году в международных и внутригосударственных отношениях характеризуются очевидным ужесточением идеологических установок, исходя из геополитических интересов отдельных стран и военно-политических союзов. Вместо консолидации в борьбе с новой коронавирусной инфекцией, отмены или изменения в гуманитарных целях санкционного режима, как это неоднократно предлагала и предлагает Российская Федерация, приходится констатировать нарастание очередной волны информационной агрессии против нашей страны. Эта волна инспирирована, прежде всего, государствами НАТО с помощью коллективного выдвигания и обнаружения бездоказательных обвинений, опосредованного манипулирования фейковой информацией, а точнее дезинформацией в медиасфере России, пересмотра оценок исторических фактов и событий [1].

Общеизвестно, что в наиболее актуальных вопросах с точки зрения сочетания средств стратегии и политики — вопросах информационного обеспечения государства — члены НАТО принимают ту военно-политическую повестку, которую определяют США, придерживаясь так называемой блоковой дисциплины. При этом США, преследуя свои конъюнктурные интересы, опираются в информационно-политическом плане не только на своих традиционных союзников — Великобританию и Канаду, но и на ряд стран, расположенных на постсоветском пространстве, а также используют некоторых других членов НАТО, чей институциональный и политический вес непропорционален их реальным военным и экономическим возможностям. Кроме того, благодаря сотрудничеству с Евросоюзом (ЕС), в орбиту НАТО включаются и те члены ЕС, которые не входят в этот альянс (прежде всего Финляндия, Швеция и Австрия).

Хотя так называемый Brexit, или выход Великобритании из Евросоюза, и придал некоторый импульс существующим у Франции и Германии идеям по развитию собственных оборонно-наступательных институтов ЕС, но для будущего НАТО этот вопрос по-прежнему остается открытым и пока представляется не столь актуальным, так как большинство внутренних противоречий альянса с лихвой компенсируется реальной консолидацией политической позиции его членов при помощи системно формируемых русофобских настроений и уже ставших постоянным атрибутом европейской политики антироссийских санкций.

Чтобы избежать повторения ситуации 2003 года, когда Франция и Германия совместно с Россией выступили категорически против американского вторжения в Ирак, США стремятся побудить своих европейских союзников к повышению расходов не только непосредственно на «военные», но и на информационно-пропагандистские цели.

Так, Советом управляющих по вопросам вещания США (Broadcasting Board of Governors, BBG) было инициировано создание на базе офиса Радио «Свободная Европа»/Радио «Свобода» в Праге цифрового медиадепартамента — DIGIM, который должен отвечать за работу в социальных сетях, в частности в медиасфере России, используя разные соцмедиаплатформы (Facebook, Twitter, ВКонтакте, Одноклассники). Также для привлечения новой аудитории могут применяться популярные мессенджеры, в том числе Telegram-каналы, приложение WhatsApp [2].

В целом, несмотря на отдельные противоречия, страны НАТО демонстрируют согласованную политику. Их действия скоординированы как при совместном планировании и проведении регулярных военных маневров с уже нескрываемыми целями демонстративно антироссийского характера, так и при формировании единого информационного пространства негативных оценок Российской Федерации буквально во всех сферах ее жизнедеятельности — внешней политике, общественной безопасности, экономике, экологии, спорте и т. п.

Как известно, отношения России и ведущих стран — членов ЕС значительно ухудшились после 2014 года. Судя по сегодняшним подчеркнuto агрессивным, хамским высказываниям высших должностных лиц США и ведущих европейских государств, весьма вероятно, что эта ситуация сохранится в течение сравнительно продолжительного времени.

Объективных предпосылок для отмены в краткосрочной перспективе антироссийских санкций со стороны стран — членов НАТО, увязывающих их не только с механизмом разрешения конфликта на Украине, но и с любыми другими выдуманными поводами («отравление» Скрипалей и А. Навального), или для наступления периода пусть незначительного потепления отношений с Западом пока не просматривается, так как даже не необходимость борьбы с катастрофическими для общества и экономики последствиями пандемии COVID-19, а именно обострение отношений с Россией способствовало и, очевидно, будет способствовать росту солидарности внутри НАТО, оправдывая расходы на его содержание.

Для этого странам альянса потребуется соответствующее долгосрочное информационно-пропагандистское сопровождение, очевидно, с проамери-

канской ориентацией на неоднократно отработанный и доказавший свою эффективность антироссийский характер политики блока в целом, что может представлять реальную угрозу для суверенитета и национальной безопасности Российской Федерации и требует с ее стороны своевременных адекватных мер реагирования.

Вопросы противостояния негативному информационному воздействию на общество изучаются отечественной наукой в течение уже нескольких десятилетий и с точки зрения эволюции понятий и представлений об информационных войнах нашли достаточно полное отражение в ряде научных трудов И.Н. Панарина, А.В. Манойло и других авторов [3—5; 6; 7].

Однако в условиях регулярно происходящих глобальных изменений практически во всех сферах жизнедеятельности общества (в науке, культуре, экономике, политике, производственных технологиях, социальных коммуникациях, общественном сознании и даже религиозном мировоззрении) осмысление данной проблемы и разработка рекомендаций по решению практических вопросов обеспечения общественной безопасности в частности и национальной безопасности в целом приобретают свое новое специфическое значение и содержание в первую очередь в рамках динамичной цифровой системы коммуникаций.

Ее влияние на личность в современном обществе особенно рельефно проявляется в процессах социализации молодежи и социально слабо интегрированных групп общества (например, мигрантов, находящихся под влиянием тех или иных радикальных религиозных и политических течений, зачастую не только не способствующих укреплению позитивных социальных связей в социуме, но и влекущих деструктивные последствия).

Необходимо отметить, что в любом государстве и в межгосударственных отношениях информационное воздействие всегда проводится адресно с целью оказания влияния на различные социальные слои населения и вовлечения его в определенную идеологическую орбиту, как правило, с учетом тех реалий, которые общество переживает в конкретный исторический момент. Однако сложившаяся внешняя информационная политика стран НАТО и Евросоюза применительно к России уже не вписывается в рамки, установленные нормами международного права, и приобрела ярко выраженные наступательно-атакующие черты, что дает основание рассматривать ее как информационную агрессию в качестве одной из форм гибридной войны, развязанной против Российской Федерации и требующей системного подхода к реализации комплекса неотложных мер для ее отражения.

По сути, противодействие информационной агрессии носит многовекторный характер, так как одновременно должно быть направлено на купирование не только внешних, но и внутренних угроз. Так или иначе, эта деятельность связана с вопросами противодействия преступности в целом и ее профилактики в контексте обеспечения общественной безопасности, уровень которой во многом зависит от критической массы социального негатива в обществе, накапливаемого в том числе и в результате целенаправленного вредоносного информационного воздействия. В рассматриваемом срезе функции социального управления, которые осуществляет правоохрани-

нительная система государства во взаимодействии с различными государственными учреждениями, институтами социального партнерства, СМИ, самим обществом в самоорганизующихся формах, приобретают важнейшее значение.

Успех реализации этих функций прямолинейной зависимостью связан с состоянием самого общества, социально-экономической, политической ситуацией в нем, теми вызовами и угрозами, с которыми оно сталкивается, и готовностью к их отражению.

В современном мире вызовы, обусловленные глобальными угрозами безопасности обществу, являются преимущественно техногенными, климато-экологическими, эпидемиологическими. Чаще всего экономический, социально-политический, военный и иной характер они приобретают вследствие возможной реакции на них общества и национальных государств. В определенных случаях такие вызовы могут иметь внутривнутриполитический либо международный контекст (в зависимости от источника угроз). Оценка большей или меньшей степени вероятности проявления социальных вызовов входит в задачу не столько практической политики, сколько социального моделирования. В отечественной управленческой науке институциональный анализ и многофакторное социальное моделирование рассматриваются как одна из функций государственного управления.

Примером такого анализа могут служить пережитые чрезвычайные ситуации, обусловленные пандемиями, которые на протяжении всей истории человеческого общества представляли для него реальную угрозу независимо от государственного устройства, политической системы, уровня социально-экономического развития и т. д.

Так, эпидемия COVID-19, начавшаяся в конце 2019 года, к зиме 2020 года уже охватила более 55 миллионов человек по всему миру. Масштаб и характер ее последствий еще только предстоит оценить. Мониторинг течения пандемии не позволяет также утверждать, что она близка к завершению и гарантированно уйдет в прошлое полностью в обозримом будущем.

Однако необходимо иметь достаточно четкое представление об уже нанесенном ею обществу ущербе, который измеряется не только утраченными человеческими жизнями (по состоянию на 18 ноября 2020 года число летальных исходов от COVID-19 превысило 1,3 млн) или темпами падения экономических показателей (сокращение ВВП, банкротства, галопирующая безработица и т. п.), но и ухудшением общего психологического состояния населения целых государств.

Не случайно практически во всех странах общепринятые меры санитарно-противоэпидемиологического характера (такие как введение режимов карантина или комендантского часа, ограничение либо отмена публичных мероприятий или даже просто требование о ношении масок) вызвали волну достаточно масштабных публичных протестов, сопровождающихся столкновениями с силами охраны правопорядка, вынужденными не только вести соответствующую разъяснительную работу и накладывать штрафные санкции на нарушителей установленных в связи с пандемией запретов, но и применять специальные средства для пресечения спровоцированных ими беспорядков.

Вполне вероятно, что аналогичные патологии в общественном поведении будут наблюдаться во многих странах, так как в мировой истории глобальные потрясения после каждой катастрофы (пандемии) приводили к тем или иным необратимым социальным изменениям. Эти процессы сопровождались не всегда созидательным целенаправленным информационным воздействием на социум, что необходимо учитывать при среднесрочном, а тем более долгосрочном планировании мер противодействия любой внешней или опосредованно внутренней информационной агрессии в отношении огромного числа людей, заразившихся вирусом, и еще более значительного количества так или иначе затронутого этим злом населения большинства стран, изменившимся общественное сознание и, как следствие, общественное поведение.

Разрушение COVID-19 социальных стереотипов, традиций и привычек, сформировавшихся на протяжении десятилетий, а иногда и столетий, существенным образом трансформировало формы социальных коммуникаций. Примером тому может служить ставшее массовым в достаточно короткие сроки переформатирование очных форм обучения на дистанционные, символизирующее форсированный всеобщий переход в образовательных организациях среднего, высшего, послевузовского звена на современные технологии.

Повсеместное закрытие детских садов, карантин, необходимость соблюдения новых норм при передвижениях, предполагающих соблюдение социальной (точнее — санитарной) дистанции в транспорте, спортивные соревнования без зрителей и театральные-концертные мероприятия в пустых зрительных залах — все это новые реалии социальной действительности, меняющие психологию целых социальных слоев населения на фоне ежедневного использования им цифровых технологий во всех сферах жизнедеятельности.

Экономические последствия пандемии также будут иметь вполне предсказуемые определенные социальные и социально-психологические последствия, сопровождающиеся агрессивным информационным фоном, который необходимо учитывать при прогнозировании, планировании и осуществлении всей правоохранительной деятельности, в том числе профилактике и организации противодействия преступности, рост отдельных видов которой (связанных, прежде всего, с цифровыми технологиями) весьма вероятен и уже вызывает некоторую обеспокоенность общества.

Так, каждое пятое (22,35%) из обращений к Президенту Российской Федерации в III квартале текущего (2020) года касалось проблем именно безопасности и охраны правопорядка, подлежащих разрешению на федеральном уровне [8].

В сфере экономики, как в глобальном, так и в национальном масштабе, пандемия существенным образом уже затронула общественное производство, сократив выпуск реальной (промышленной, во многих странах — сельскохозяйственной) продукции для общественного пользования. Также произошло сокращение общественного спроса на продукцию различных отраслей экономики, включая сферу услуг, в которой на протяжении нескольких последних лет наблюдалась достаточно высокая степень занятости.

В свою очередь, уменьшение возможностей заработка, страх потери его совсем в условиях социально-экономических потрясений и новых угроз по-

влекли сокращение расходов населения на приобретение товаров и услуг. Как следствие, производство продуктов также имеет тенденцию к сокращению, еще более усиливая темпы прироста безработицы и способствуя появлению большого числа социально слабо защищенных лиц, которые и являются той целевой аудиторией, на которой будет сфокусирована пропаганда государств Запада, объединенных антироссийской ориентацией.

Наряду с этим, доминирующим фактором, влияющим на секвестирование экономических программ в России, в том числе предназначенных для поддержания социальной стабильности, может стать дефицит инвестиционных возможностей, в результате которого следует ожидать массовые банкротства предприятий, прежде всего, малого и среднего бизнеса, и не только.

В этих условиях из-за неспособности выплачивать кредиты и осуществлять новые возвратные займы определенная угроза создается для банковского сектора, кредитных финансовых организаций, в том числе достаточно крупных и устойчиво функционирующих. Без существенной поддержки со стороны государства (как это было, например, в период мирового экономического кризиса 2008 года) многие из них не смогут продолжить свою деятельность.

Падение доходов не позволит покрывать текущие расходы различных предприятий всех форм собственности, что может привести к новым массовым увольнениям. Это еще более обострит ситуацию на рынке труда, а значит и в обществе в целом.

Одновременно масштабная волна банкротств и дефолтов может повлечь за собой ситуацию, когда банки запустят в продажу большое количество залогов, а это, в свою очередь, приведет к существенному удешевлению активов (в том числе и на недвижимость, которую приобретали в последние десятилетия представители российского «среднего класса» на «черный день»).

Весьма тревожным по последствиям на фоне общего промышленного спада выглядит существенное сокращение спроса на сырье и энергоносители (в частности — нефть и природный газ), составляющие основной экспортный ресурс России.

Как следствие, ожидаемо уменьшение бюджетных поступлений от налогов и таможенных сборов — главных источников доходной части государственного бюджета. Таким образом, при резком сокращении доходной части бюджета возникнет реальная угроза существенной корректировки всех государственных социальных программ по целям и связанным с ними источникам ресурсного обеспечения, в том числе в части исполнения социальных обязательств по увеличению законодательно установленных выплат населению, особенно остро нуждающимся в них его категориям.

Перечисленные выше факторы, усложняющие не только экономическую, но и внутривнутриполитическую обстановку в обществе, могут стать криминальными, то есть способствовать эскалации противоправного поведения. Противостояние таким угрозам и вызовам, сопровождающимся антироссийским информационным воздействием из-за рубежа, — одна из главных задач в аспекте реализации стратегии национальной безопасности.

В условиях и без того достаточно противоречивой международной обстановки, непрекращающейся политики санкций и попыток давления на Российскую Федерацию из-за ее независимого политического курса и

стремления к справедливому экономическому взаимодействию для гарантированного обеспечения национальной безопасности необходима максимально возможная консолидация экономики и общества, уточнение и конкретизация целей функционирования всех правоохранительных институтов государства [9].

Важнейшей составляющей их вклада в обеспечение общественной безопасности является активизация социальных коммуникативных связей, особенно в части их обратной составляющей, со всеми категориями населения (и в первую очередь с «группами риска») в плане информационно-идеологической уязвимости, в которые следует включить фактически или потенциально физиологически максимально активную возрастную категорию населения от 14—16 до 28—30 лет [10], так как задача социальной адаптации молодежи, общая численность которой в России превышает 33 миллиона человек, в условиях крайнего дефицита бюджетных средств и, возможно, секвестирования государственных расходов в ближайшие несколько лет, для Российской Федерации приобретает чрезвычайную важность.

Моделируя возможные сценарии развития экономической и социальной ситуации на ближайшие как минимум три года, необходимо переходить к вариативному программированию и планированию социально-воспитательной работы с акцентом на подверженные информационной агрессии различные социальные слои с учетом многонационального и многоконфессионального состава населения России. Безусловно, что это должно осуществляться и учитывая миграционные процессы последнего времени.

Эта работа может быть интегрирована с помощью официально согласованного межведомственного комплексного плана «контрпропаганды», в формировании которого могут принять участие правоохранительные и другие государственные структуры, общественные организации, религиозные объединения, конструктивно настроенные представители СМИ (прежде всего работающие в интернет-пространстве).

Представляется, что комплексный подход к разработке такого документа позволит обеспечить массовый информационный охват населения и результативно скоординировать социальное взаимодействие по отражению информационной агрессии, а также максимально эффективно использовать ресурсы общества и государства, уже доктринально сконцентрированные в целом ряде государственных и федеральных целевых программ правоохранительной и антикриминальной направленности.

Очевидно, что массовая воспитательно-разъяснительная работа должна также быть направлена на один из первоочередных приоритетов — формирование патриотических установок в общественном сознании путем увеличения гуманитарного компонента образования, повышения общекультурного уровня населения, прежде всего молодежи, через приобщение к ценностям отечественной истории, культуры, предметам национальной гордости, что позволит при минимальном уровне затрат получить существенный воспитательный эффект.

Этому будет способствовать пролонгация завершающейся либо разработка новой государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» с учетом ее результатов в 2016—2020 годах [11], а

также реализация четвертого этапа государственной программы «Развитие культуры» [12].

В этих же целях может быть использован опыт, полученный в период карантина и самоизоляции 2020 года, когда многие учреждения культуры перевели культурно-массовую работу в интернет-пространство. Появились общедоступные цифровые формы экскурсий по Государственному Русскому музею, Государственному музею «Эрмитаж», Государственному музею изобразительных искусств имени А.С. Пушкина и другим музеям, в том числе региональным, предоставляющие возможность познакомиться с лучшими экспозициями шедевров отечественной и мировой культуры.

В силу своей наглядности, содержательности и удобства доступа к ним они несут значительный позитивный заряд, способный воздействовать на эмоциональную сферу и интеллектуальное развитие более широкой массы уже не потенциально виртуальной, а «живой» аудитории.

В цифровое пространство переместились театральные постановки, а также музыкально-концертная деятельность, репертуарная политика которой в последнее время хотя и приобрела более патриотические черты, все же нуждается в актуализации.

Особая роль в рассматриваемом контексте может быть отведена просветительским и патриотическим программам телевидения, в частности телеканала «Россия-Культура» ВГТРК. Примером могут служить циклы передач «Кто мы», «Цвет времени», «Абсолютный слух», «Культурная революция», телепроект «Академия», «Искатели» и ряд других. Все они оцифрованы и стали доступны через интернет, а следовательно, могут быть рекомендованы к массовому распространению во всех российских регионах.

Лучшие художественные и документальные фильмы советского и российского производства также могут быть использованы как средство защиты от деструктивного информационного воздействия. По своей сути они являются самым эффективным инструментом формирования моральных качеств личности на примерах героического поведения россиян в разные периоды своей истории, особенно в период Великой Отечественной войны. Более того, эти фильмы необходимо использовать в образовательном процессе в средней и в высшей школе, так как они изначально формируют позитивные установки и образцы поведения.

Перечисленные меры дадут положительный эффект, если будут осуществляться целенаправленно, системно, комплексно, последовательно и наступательно по канонам классической теории и методологии стратегического управления и в соответствии с Федеральным законом «О стратегическом планировании» [13].

С практической точки зрения в процессе управления адаптацией общества к внезапно изменившимся реалиям жизнедеятельности, обусловленным новыми вызовами и угрозами, необходимо более предметное сотрудничество правоохранительных органов со средствами массовой информации, образовательными организациями, органами муниципального управления, религиозными объединениями, учреждениями культуры, возможно, в рамках формирования коммуникационного суверенитета России [8], состоящего из краеугольной триады суверенитетов в духовной, информационной и кибернетической сферах.

Это сотрудничество должно осуществляться во всех возможных его формах, которые следует рассматривать как дополнительный инструментарий, придающий синергетический эффект противодействию внешней информационной агрессии в период особых социально-экономических условий [14; 15], к которым относятся пандемии и их последствия.

Примечания

1. Госсекретарь США обвинил Россию «в полном пренебрежении общественной безопасностью». URL: <https://www.securitylab.ru/news/513216.php> (дата обращения: 23.10.2020).

2. США намерены усилить информационное противодействие России. URL: <https://www.securitylab.ru/news/472544.php&b=> (дата обращения: 23.10.2020).

3. Панарин И.Н. Информационная война и Россия. М., 2000. 160 с.

4. Панарин И.Н. Информационная война и геополитика. М.: Поколение, 2006. 122 с.

5. Панарин И.Н. Гибридная война против России, 1816—2016 гг. М.: Горячая линия — Телеком, 2017. 222 с.

6. Манойло А.В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия — Телеком, 2018. 494 с.

7. Беленков Д.В., Гюлазян П.А., Мазлумян Д.Э. Информационный суверенитет России и Европейского союза, информационная политика и информационное противоборство: сущность и содержание // Электронный научный журнал «Международный студенческий научный вестник». 2018. № 5. URL: <http://www.eduherald.ru/article/view?id=18949> (дата обращения: 12.11.2020).

8. Панарин И.Н. Информационная война и коммуникации. М.: Горячая линия — Телеком, 2019. 236 с.

9. Целеполагание в управлении организацией в правоохранительной сфере: учебно-методическое пособие / Б.Е. Власов [и др.]. М.: Академия управления МВД России, 2020. 80 с.

10. Об утверждении Основ государственной молодежной политики Российской Федерации на период до 2025 года: распоряжение Правительства РФ от 29 ноября 2014 г. № 2403-р // Собрание законодательства РФ. 2014. № 50, ст. 7185.

11. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016—2020 годы»: постановление Правительства РФ от 30 декабря 2015 г. № 1493 (ред. от 30.03.2020) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 2, ч. I, ст. 368.

12. Об утверждении государственной программы «Развитие культуры»: постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 317 (ред. от 20.10.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 18, ч. II, ст. 2163.

13. О стратегическом планировании в Российской Федерации: федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (ред. от 31.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2014. № 26, ч. I, ст. 3378.

14. Гарник С.В., Овчинников С.Н. Внутренние и внешние угрозы безопасности России и проблемы киберсоциализации // Прикладная юридическая психология. 2018. № 3 (44). С. 24—27.

15. Дадалко В.А. Национальная безопасность: взаимодействие секторов высшего образования, бизнеса, государства и общества в условиях формирования инфор-

мационной экономики // Научные труды ученых 1 отделения — Отделения общественных проблем войны и армии Академии военных наук. Т. 2 / под общ. ред. И.В. Бочарникова. М.: Изд-во НИЦ «Национальная безопасность», 2020. 276 с.

References

1. The US Secretary of State accused Russia of “Total disregard for public safety”. URL: <https://www.securitylab.ru/news/513216.php> (accessed 23.10.2020). (In Russ.)
2. The United States intends to strengthen information counteraction to Russia. URL: <https://www.securitylab.ru/news/472544.php&b=> (accessed 23.10.2020). (In Russ.)
3. Panarin I.N. Information war and Russia. Moscow, 2000. 160 p. (In Russ.)
4. Panarin I.N. Information war and geopolitics. Moscow: Generation Publ., 2006. 122 p. (In Russ.)
5. Panarin I.N. Hybrid war against Russia, 1816—2016. Moscow: Hotline-Telecom Publ., 2017. 222 p. (In Russ.)
6. Manoilo A.V. Information wars and psychological operations. Guide to action. Moscow: Hotline-Telecom Publ., 2018. 494 p. (In Russ.)
7. Belenkov D.V., Gulazyan P.A., Mazlumyan D.E. Information sovereignty of Russia and the European Union, information policy and information confrontation: essence and content. *Electronic scientific journal “International student scientific Bulletin”*, 2018, no. 5. URL: <http://www.eduherald.ru/ru/article/view?id=18949> (accessed 12.11.2020). (In Russ.)
8. Panarin I.N. Information war and communications. Moscow: Hotline-Telecom Publ., 2019. 236 p. (In Russ.)
9. Vlasov B.E. [etc.]. Goal setting in organization management in law enforcement: textbook. Moscow: Academy of management of MIA of Russia Publ., 2020. 80 p. (In Russ.)
10. Approving the Fundamentals of state youth policy of the Russian Federation for the period till 2025: the decree of the RF Government of 29 November 2014 no. 2403-p. *Collection of legislative acts of the RF*, 2014, no. 50, art. 7185. (In Russ.)
11. About the state program “Patriotic education of citizens of the Russian Federation for 2016—2020”: decree of the Government of the Russian Federation from December 30, 2015 no. 1493 (ed. of 30.03.2020). *Collection of legislative acts of the RF*, 2016, no. 2, part I, art. 368. (In Russ.)
12. About approval of the state program “Development of culture”: the decree of the RF Government dated 15 April 2014 no. 317 (ed. by 20.10.2020). *Collection of legislative acts of the RF*, 2014, no. 18, part II, art. 2163. (In Russ.)
13. On strategic planning in the Russian Federation: federal law no. 172-FZ of June 28, 2014 (ed. from 31.07.2020). *Collection of legislative acts of the RF*, 2014, no. 26, part I, art. 3378. (In Russ.)
14. Garnik S.V., Ovchinnikov S.N. Internal and external threats to the security of Russia and problems of cybersocialization. *Applied legal psychology*, 2018, no. 3 (44). Pp. 24—27. (In Russ.)
15. Dadalko V.A. National security: interaction of sectors of higher education, business, state and society in the conditions of formation of information economy. *Scientific works of scientists of the 1st Department-Department of public problems of war and army of the Academy of military Sciences. Vol. 2 / under the general editorship of I.V. Bocharnikov*. Moscow: Publishing house of SIC “National security”, 2020. 276 p. (In Russ.)